

НА РАЗНЫХ БЕРЕГАХ

Недавно умерла Олимпиада Витальевна Макаренко, родная племянница великого советского педагога, всемирно известного автора «Педагогической поэмы». Её отец, брат Антона Семёновича, Виталий Семёнович Макаренко, будучи поручиком армии Деникина, отступил от стен родного Кременчуга и никогда не видел дочери, она родилась в то время, когда Белая армия уже вела бои в Крыму. Антон Семёнович удочерил племянницу, и она воспитывалась в его доме, жила вместе с ним и в коммуны, и в колонии, её он называл своей единственной наследницей, единственной родной кровиночкой, — своих детей у А.С. Макаренко не было. Спустя много лет Виталий Семёнович разыскал дочь, завязалась бурная, страстная переписка, закончившаяся разрывом... Внучка Виталия Семёновича, народная артистка России Екатерина Сергеевна Васильева пыталась восстановить связь с дедом, но её не выпускали из СССР. Третьим и последним корреспондентом был его внук Антон Сергеевич Васильев-Макаренко, который предложил нашему журналу воспоминания деда о ранних годах жизни братьев и дополнил их своим комментарием. Виталий Семёнович Макаренко скончался в доме для престарелых города Йер во Франции в возрасте 88 лет, немного не дожив до начала крушения ненавистной ему власти большевиков.

Виталий Макаренко

Семья наша была патриархальной, как и большинство семей в эту эпоху. К родителям мы обращались на «Вы», но руки после обеда целовал только я. Попов не любили, но в главной комнате в углу висела икона, и перед ней накануне воскресных и праздничных дней зажигалась лампада. Каждое утро и каждый вечер отец совершал перед иконой молитву. Он к революции относился прямо враждебно — предчувствовал, что она не произойдёт без кровопролития, и говорил: «Они всё разрушат, но ничего нового не создадут».

Ждали не столько революции, сколько перемен, какого-то обновления, но никто не мечтал о замене монархии, в конце концов довольно либеральной.

Сколько я ни помню Антона, постоянно вижу его с какой-нибудь книгой. Из художественной литературы Антон читал буквально всё, что появлялось на книжном рынке. Он купил около 20 портретов писателей, главным образом русских современников, и украсил ими все стены своей комнаты. Из научных книг Антон больше всего прочёл трудов по русской истории: Ключевский, Платонов, Костомаров, Грушевский («История Украины»), Шильдер («Александр I», «Николай!»). Всеобщей историей Антон не интересовался, за исключением истории Рима и истории французской революции. Какое-то время он увлекался Ницше и Шопенгауэром. Большое впечатление на него произвели произведения В. Соловьёва и Э. Ренана, а также книга Отто Вайнингера «Пол и характер».

Внутренними делами нашей семьи он совершенно не интересовался, и отец не без горечи говорил иногда: «Семья для него не существует, он приходит сюда, как в гостиницу, — переменить бельё, пообедать и поспать. Всё остальное его не интересует. Аристократ какой-то». Когда ему однажды сказали об этом, то ответ его был до ужаса циничным, что совершенно не вязалось с его глубокой деликатностью по отношению к другим: «Я не просил вас родить меня на свет Божий. Вам необходимо нести ответственность за ваши поступки. Давать больше денег я не могу».

Поп Григорович пытался переубедить Антона:

— Вы разочаровались в жизни потому, что утратили веру в Бога, в высокое назначение человека на земле — стремиться к абсолютному совершенству.

— Вы повторяете старые, надоевшие «истины», в которые первый же не верите. Вы обязаны говорить так, потому что носите рясу и крест. Стремиться к совершенству — абсурд. Если завтра все люди станут идеальными ангелами и получают бессмертие — жизнь станет от скуки совершенно невыносимой и люди будут умолять Бога о ниспослании смерти.

— Значит, вы отрицаете значение семьи?

— Да, отрицаю. Семья — это пережиток рабовладельческих времён. Это — нелепость. Во всяком случае, я клянусь и даю слово, что никогда не женюсь и никогда не буду иметь детей.

Надо сказать, что немного позже Антон Семёнович женился первым браком на... жене этого священника, и её могила теперь находится рядом с могилой родителей Макаренко. Что касается атеизма, то моя мама Олимпиада Витальевна уверяла, что никаких разговоров на тему веры в доме не было, однако никогда в своей педагогической деятельности Антон Семёнович не вёл никакой безбожной пропаганды. Вместе с тем в 1937 году он порекомендовал маме прочитать полное собрание Достоевского старого издания, из чего я делаю вывод, что, в конце концов, брат моего деда, равно как и дед, были типичными русскими богоискателями начала века. И не случайно, что на могиле Виталия Семёновича был установлен большой православный крест.

Семён Григорьевич хмурился: «Что же это, неужели я вырастил анархиста? Чему он научит своих учеников?»

Шла война. Скоро мне должно было исполниться 20 лет и, следовательно, угрожала мобилизация. Я решил предупредить события. 1 марта 1915 г. я поступил в ближайшую к нам военную школу — Чугуевское военное училище и через 6 месяцев вышел оттуда с чином прапорщика. При

разборе вакансий я взял Киевский военный округ. В штабе округа я подsunул писарю, распределявшему назначения, 20 рублей и был направлен в 27-й запасной батальон, в Полтаву... Через два месяца я уехал на фронт. Больше года я почти не видел Антона, мы встречались только во время посещения им госпиталей, в которых я находился после ранений.

В конце 1916 г. он был мобилизован как ратник ополчения 2-го разряда для прохождения строевой подготовки и направлен в казармы в Киев, где его и застала февральская революция. Оказалось, что казарменная об-

становка среди мобилизованных мужиков и рабочих подействовала на Антона удручающе. Он прямо писал бывшей попадье, что покончит с собой... Встревоженные, мы поспешили навесить его. Не успели мы войти во двор, как увидели нашего Антона, несущего в двух котелках суп и кашу. Но какая невоенная фигура: огромные сапоги с брезентовыми голенищами, слишком большая фуражка, закрывавшая ему половину ушей, смятая, не по росту гимнастёрка — всё это делало его фигуру просто комичной. Он долго близоруко щурился, не веря своим глазам, но когда, наконец, нас узнал, то кинул свои котелки прямо в грязь и со слезами бросился мне на шею... Но, собственно говоря, что было ужасного в этой казарме? Абсолютно ничего. Казарма и есть казарма, а не институт благородных девиц. Конечно, были вши, махорка, тяжёлый воздух, матерщина, но ведь всё это на какие-нибудь 2–3 месяца, и нельзя было даже и сравнивать эту казарму с фронтом, с окопами.

Я поговорил с его начальниками — ничего ужасного в его положении здесь не было: даже строевые занятия не проводились, только иногда устраивались прогулки

Два брата — Антон и Виталий Макаренко

с песнями по городу. Остальное время они ничего не делали, только спали и портили воздух. Кроме того, через 3–4 недели их всё равно должны были распустить по домам. Антон не только никогда не стрелял, но даже в руках ружья не держал, ружей не хватало даже в действующей армии.

Я успокоил брата как мог, ротный командир пообещал скорое освобождение, и мы уехали. Но на вокзале я не удержался и спросил: «Слушай, Антон, вот мне всего 21 год, но я уже 4 раза ранен, целыми днями сижу под ураганным огнём противника, иногда остаюсь без пищи, потому что подвоз невозможен, у меня 200 человек солдат, за которыми я слежу, одеваю, кормлю и, самое главное, которых я должен воодушевлять и вести в атаку — что бы ты делал на моём месте?»

Антон в упор посмотрел мне в глаза и спокойно ответил:

— Я бы застрелился!

Вскоре меня назначили помощником коменданта станции Киев. Антон благополучно закончил институт и в августе 1917 г. был назначен инспектором Крюковского железнодорожного начального училища. Я оставался в Киеве до октября 1917 г., когда пришедшие большевистские власти выбросили меня на улицу. Тогда великодушно пришёл мне на помощь и предложил место учителя в его училище (рисование, спорт, математика). Но чисто педагогическая часть нашей деятельности отошла на второй план. На первом были заботы о «хлебе насущном» и одежде.

Два года, которые мы провели в училище (1917–1919), прошли под знаком крайних материальных лишений: власти сменялись чуть ли не каждые 2 месяца (большевики, немцы, вновь большевики, петлюровцы, антоновцы, григорьевцы и пр.) и население было разорено. Ребята расспрашивали меня о войне, об окопах, о ранениях и наградах. И как-то незаметно, без определённого плана, я стал заниматься с ними военным строем. Во время уроков гимнастики мы строились во дворе и затем уходили с песнями куда-нибудь в ближайшие окрестности. После военного

строения как-то незаметно вопрос зашёл о знамени: почему у нас нет своего знамени? Мы хотим иметь своё знамя! Я им посоветовал обратиться прямо к брату.

Вначале Антон был против: «Я не хочу заводить казарму!» — он был принципиальным противником военных. Позже удалось его убедить, что военный строй не имеет ничего плохого так же, как и знамя. Ведь военный строй применяется не только в армии, но и у бойскаутов, и в кадетских корпусах и имеет большое воспитательное значение. Так или иначе, но когда Крюков был занят немецкими войсками, у нас уже было своё знамя — белое, но с двумя лентами — жёлтой и голубой — цветами Украинской Республики. Знамя было шёлковое, окаймлённое золотой бахромой, на одной стороне полотнища вышиты инициалы училища и эмблема путей сообщения, а с другой стороны — текст из Евангелия: «Тако да просветится свет ваш пред человеки». Когда украинцев сменили большевики (в начале 1919 г.), мы сняли со знамени жёлтую и голубую ленты и заменили их красными.

В скором времени, по какому-то революционному поводу, большевики устроили большой парад, на котором, кроме войск, должны были присутствовать и все учебные заведения. Мы пришли на него с нашим белым знаменем и увидели на площади десятки ярко-красных знамён. Через пять минут к нам прибежали разъярённые распорядители и приказали немедленно убрать «белогвардейское» знамя и больше с ним никогда не показываться. Хранить это знамя было опасно. Антон приказал уничтожить его и заменить красным, но уже без «Тако да просветится», что мы и сделали.

Своего оркестра у нас ещё не было, но зато был оркестр Крюковских мастерских. В одно из первых весенних воскресений 1918 г, сопровождаемые многочисленными родителями, мы совершили нашу первую военную прогулку со знаменем и оркестром в Деевский лес, где оставались целый день, — пели, играли, варили кашу. Тогда-то у Антона исчезли последние сомнения относительно полезности военного строя. Немного позже у нас уже был собст-

Олимпиада
Витальевна
Макаренко

венный духовой оркестр, состоящий из 20 музыкантов. Наши военные прогулки стали регулярными. Антон выходил, я командовал «смирно», и он чувствовал себя небольшим генералом, так сказать. Это была игра, во время которой Антон постепенно входил во вкус. Он отдавал честь...

Деньги на покупку собственных духовых инструментов мы получили из выручки за спектакли драматического кружка имени В.Г. Короленко. Этот кружок тоже был моим детищем. До этого я участвовал в театральном кружке, который существовал в реальном училище. Мы ставили «Ревизора» и «Женитьбу» Гоголя, «Горе от ума», мелкие пьесы Чехова. И вот во время одной из больших перемен я категорически и твёрдо предложил ребятам создать кружок и даже наметил первую пьесу для постановки, а именно «Касатку» — комедию А.Н. Толстого, которую мне довелось увидеть в Киеве в великолепном драматическом театре Соловцова.

Мы репетировали в школе, собираясь по вечерам. Для поднятия настроения Антон к каждой репетиции заказывал сторожу Ивану Васильевичу две бутылки самогона с лёгкой закуской. Он был административным директором кружка и только один раз выступал как артист. Большая близорукость мешала ему ориентироваться на сцене, и в конце концов он взял на себя неблагодарную роль суфлёра. Как художественный директор, я был режиссёром в двух спектаклях: «Касатка» и «Кукушкины слёзы». Остальные спектакли мы реинсценировали вместе с Антоном.

Успех в Крюкове был полнейший. На деньги от спектаклей мы в первую очередь купили инструменты, затем пособия по физике, химический и биологический кабинеты.

Насколько Антон был отзывчивым и благородным человеком, показывает пример его отношения к Ассоциации крюковских офицеров. Октябрьская революция оставила 150 000 русских офицеров без всяких средств к существованию, не говоря уже о том, что разнузданная чернь смотрела на них как на своих первых врагов,

преследовала и убивала. Вполне понятно, что знакомство с ними вызывало подозрение и все избегали их, как зачумлённых.

В Крюкове собралась группа из 15–20 офицеров. Конечно, Антон был знаком со всеми, а некоторые из молодых даже были его прежними учениками. И, надо отдать ему должное, он имел достаточно мужества, чтобы не только не чуждаться, но и приходиться к ним на помощь. Что предложил Антон? Прежде всего, объединиться и составить ассоциацию. Затем он предложил использовать здание училища как клуб офицеров, в котором можно было держать постоянный буфет, бильярд, устраивать вечеринки и пр. Он сделал это собственной властью, не испросив разрешения высшего железнодорожного начальства. В училище принесли вагонные диваны, кресла, стулья и столики, танцевальные вечеринки давались регулярно, 2–3 раза в неделю. Материальный успех был большой, и вскоре наиболее нуждающиеся из офицеров уже смогли получить денежные пособия.

Местные большевики были возмущены и донесли об этом в Управление Южной железной дороги, но оно не реагировало, и Антон не получил за самоуправление никакого нагоняя.

Клуб просуществовал до начала осенних занятий 1918 г. В августе 1919-го Крюков был занят Добровольческой армией. Новые власти даже не заглянули в училище, но Антон чего-то испугался, бросил всё и уехал в Полтаву, которая, впрочем, была занята белыми ещё 29 июля.

Армия с большим успехом наступала на север, по направлению к Москве. В ответ на это наступление большевики объявили «красный террор». С конца 1918 г. наступили мрачные, тяжёлые дни. Людей арестовывали и уничтожали не за какое-нибудь преступление, а за то, что они могли быть «потенциальными» врагами. У нас, как и везде, арестовывали ночью. Без суда на грузовике отвозили на Кременчугское кладбище и там расстреливали. На другой день, за подписью так называемого «революционного трибунала», в местной газете «Приднепровский край» печатался список

Добровольческая («Белая») армия организовалась на юге России из элементов населения, жизни и благоденствию которых угрожала опасность со стороны большевиков. Среди них не было представителей правящего класса: аристократы, помещики и капиталисты — все те, у кого были деньги, — покинули Россию сразу же после февральской революции. Добровольческая армия была укомплектована, главным образом, офицерами, юнкерами военных училищ, гимназистами, представителями духовенства, мелкими коммерсантами и т.п. Большой процент также составляли зажиточные крестьяне.

В отзыве о рукописи книги моего деда «Мой брат Антон Семёнович» Ф.И. Науменко пишет в связи с этим: «Бывших офицеров представители органов советской власти, конкретно ЧК, не преследовали, не подвергали репрессиям только за то, что они — бывшие офицеры. Преследование велось за уклонение от мобилизации в Красную Армию. В 1918 г. вместо добровольной Красной гвардии вводится обязательная воинская повинность. Виталий Макаренко обязан был явиться в комиссариат для направления в воинскую часть Красной Армии.

А он уклонился, его поэтому и разыскивали как дезертира — потенциального врага советской власти. Он лично это избрал».

Наглое, иезуитски-большевистское высказывание! Мало им убить тело, надо ещё душу человека отдать дьяволу — заставить его поступиться своей совестью. Да, дед сам избрал путь несотрудничества с новой властью и называл её не иначе, как «аморальное, антирелигиозное и античеловеческое чудовище», которое «население встретило как стихийное бедствие, как чуму, как холеру и продолжает ненавидеть самой лютой ненавистью».

Вместе с тем конкретным поводом для ареста деда послужил случай, рассказанный мне в 1986 г. племянницей Виталия Семёновича, двоюродной сестрой моей мамы Еленой Кузьминичной, тётей Лелей.

Мать братьев Макаренко, моя прабабушка Татьяна Михайловна (урождённая Дергачёва, из дворян Орловской губернии) держала по воскресным дням обеденный стол для бедных. В числе многих в наш двор приходил обедать некто Йоська, слободской еврей, слабый умом, которого, однако, хватало на весьма неслабую подлость. По возвращении Виталия с германского фронта этот Йоська, проходя мимо дома Макаренко и видя на крыльце деда в форме, переходил на строевой шаг и отдавал, дурачась, «честь». Так было до дней террора, когда он перестал это делать. Однажды, в июне 1919 г., дед, видя такую перемену в проходящем мимо Йоське, возьми и спроси его, как спрашивают неразумное дитя: «Что же ты, Йоська, мне чести не отдаёшь?» На что Йоська в ответ рассвирепел, как будто только того и ждал, раскричался, размахался кулаками, посыпал бранью и угрозами и побежал доносить, что его царский офицер пытается унижить...

После этого случая дед перестал ночевать дома, а проводил ночи в саду училища, вместе с несколькими преданными ему учениками. Иногда к ним присоединялись ещё двое бывших офицеров.

Надо сказать, что «красный террор» во многом был геноцидом или антирусским террором, о чём стыдливо или трусливо умалчивают до сих пор, дожидаясь, видимо, того времени, когда русских станут убивать только за то, что они русские, как это уже делается в бывших союзных республиках.

Сестра тётки Лёли Тася, умершая в июле 1998 г., рассказывала мне, как расстреляли молоденькую учительницу только за то, что она якобы назвала в вагоне поезда еврея «жидом». Этот самый еврей выволок её на станции и потащил к начальнику. Тут же нашлись чекисты, которые приказали её... расстрелять. Никто из красноармейцев не согласился привести приказ в исполнение. Тогда нашли среди них китайца, вывели молодую женщину за здание станции (оно почти граничит с двором нашего дома), и китаец её пристрелил. Даже если она, чья-то дочь, сестра, а может быть, и беременная ребёнком, сказала еврею «жид», что на Украине, как и в Польше, не является бранным словом, — так достаточная ли это вина, чтобы убить её вот так — без суда и следствия, на глазах её соотечественников? По мнению товарища Троцкого, в соответствии с его декретами, — достаточная вина. Но более Троцкого в её смерти, как и в миллионах подобных смертей, виновны те русские и украинцы, с поущения которых, страха ради иудейска, это беззаконие творилось и творится поныне. В Белой армии этого не было.

казнённых, как указывалось, за контрреволюционную деятельность.

Конечно, расстреливали, главным образом, всё тех же «классовых» врагов, но было и сведение личных счётов, попадались и рабочие, и крестьяне. Никто никому никакого отчёта не давал. Уже несколько человек из моих друзей погибли. Грозная опасность нависла и над моей головой.

В начале июля я был в саду, когда пришла моя жена, вся в слезах, и сказала, что один из знакомых, работающих в Крюковской ЧК, предупредил её о том, что я буду расстрелян ближайшей ночью. Я провёл ночь у знакомых. Действительно, ночью пришёл отряд чекистов и меня искали повсюду. Надо было скрываться, уходить.

Доказательством правильности выбора моего деда является факт, который приводит в своём письме к моей маме друг юности Виталия Семёновича некто Горонович: «Товарища, с которым В.С. переночевал в учительской, арестовали и расстреляли» (Письмо от 24.8.1978 г. Архив лаборатории «Макаренко-реферат», г. Марбург, ФРГ).

Однако мама рассказывала мне историю бегства деда иначе. По её версии, дед с товарищем скрывался в двухэтажном доме в саду, когда отряд чекистов окружил здание. Виталия схватили первым, его товарищ, впоследствии расстрелянный, продолжал прятаться на чердаке. Тогда, оставив Виталия под прицелом одного из солдат, остальные устремились на поиски второго наверх. Этот солдат оказался знакомым Виталия и дал ему уйти, выстрелив в воздух...

Первый день я провёл у Н.П. Найды, которая жила вне города. Но оставаться у неё было опасно. Мне нашли старую крестьянскую одежду и порекомендовали искать приют у дорожного мастера Василенко, который жил на линии в 10 км. Его сын учился у нас в училище. Василенко не очень мне обрадовался. Он посоветовал идти работать в поле, принадлежавшее ему, где в это время начиналась жатва. Но рабочие смотрели на меня с подозрением, и я счёл благоразумным уйти.

Начались мои скитания по полям, которые длились целый месяц. На дорогах попадались отступающие красноармейцы, и несколько раз мне пришлось бежать. Между тем гром артиллерийской канонады всё приближался и, наконец, в один прекрасный день я увидел бронепоезд с трёхцветным национальным флагом.

Я вернулся в Крюков исхудалым, оборванным, без обуви, заросший месячной бородой. Антон искренно обрадовался мне и чуть не со слезами бросился на шею.

Население встречало Добровольческую армию как освободительницу — со слезами и цветами. Но уже через несколько дней стало ясно, что в этой армии, сражавшейся храбро и мужественно, не было никакой новой политической программы, и что фактически, сама того не желая, она сражалась за восстановление старого режима. Воины не могли об этом думать, а у высшего командования не было нужного авторитета.

Восторг сменился разочарованием. Стало ясно, что население, в особенности крестьянство и рабочие, не поддержат Доброармию, что её успехи временны и что в конечном итоге её ожидает поражение. Антон это понял сразу, и, я думаю, это было одним из факторов, заставивших его покинуть Крюков. Но был фактор и более важный. Сразу же после занятия Крюкова я был мобилизован. Но, вместо того чтобы отправить меня на фронт, меня откомандировали в распоряжение начальника Крюковской контрразведки. Антон, вероятно, предполагал, что Крюковская контрразведка развернёт широкую контрреволюционную деятельность. Он уехал в Полтаву, чтобы быть вне всяких подозрений.

В действительности за 4 месяца пребывания Добровольческой армии в Крюкове были арестованы всего два человека.

В середине ноября я был командирован на несколько дней в Харьков. На обратном пути я остановился на несколько часов в Полтаве и отправился на Пушкинскую улицу, где в то время жил брат со своей гражданской женой... Но какой холодный и печальный приём мне оказали! Я был в

форме, при погонах и оружии и чувствовал, что я — нежелательный гость. Все молчали, и я видел, что мой визит вызывает только тревогу. Настроение было невыносимое, и я счёл благоразумным как можно скорее ретироваться. Я поцеловал руки у дам и обнял Антона:

— Будь здоров, Антон. Ты знаешь, что у меня нет другого выхода.

— Будь здоров. Знай одно, что моё отношение к тебе лично несколько не изменилось.

Это было наше последнее свидание. Больше мы с ним никогда не встречались.

По приезду в Крюков я без разрешения оставил контрразведку и поступил пулемётным офицером на бронепоезд «Генерал Марков».

Надо сказать, что именно в эти дни дедушка с бабушкой зачали мою маму, несмотря на то что «стало ясно, что Белую армию ожидает поражение».

В декабре 1919 г. началось отступление. Я попал в Крым, где мы продержались ещё 10 месяцев, до ноября 1920 г. После того как Крым был занят большевиками, я эвакуировался в Константинополь, провёл год в лагере в Галлиполи и в конце 1921 г. попал в Болгарию.

В конце 1922 г. я получил первое письмо от Антона. Не помню точно, в каком году наша переписка оборвалась, но она была очень трудна и нерегулярна. За всё время я получил 14 писем, которые, к сожалению, погибли во время пожара. Вот то, что память сохранила почти слово в слово:

«...Я несказанно рад, что ты жив и здоров. Почему-то я был уверен, что никакие тифы и никакие снаряды тебя не тронули...»

«... Я не могу тебе писать ничего другого, кроме описания наших ребят и наших поросят. Ребята, по существу, не очень отличаются от учеников, которых мы имели в Крюковском училище...»

«.....ты был прав! Я живу среди тёмных дикарей. Приведу один пример:

Моя бабушка, беременная мамой, ушла из дома вместе с дедом, но с полпути вернулась — было не по силам. Виталий Семёнович позволил ей вернуться, сказав, что со временем заберёт всех к себе. Но — куда и каким образом? Со своей дочерью, моей мамой он так никогда больше и не встретился, а первыми письмами они обменялись только через 42 года!

Со времени основания русского государства мы никогда не имели культурных дорог. Весной и осенью мы месим грязь, доходящую до ступиц колёс. И вот власти решили построить нам хорошую дорогу из Полтавы в Харьков, которая проходит мимо

ра» Толстого. Она очень грустит по тебе и называет меня иногда Витей».

«...После твоего ухода наш дом был разграблен, то, что называется, до нитки. Не только унесли всю мебель, но даже забрали дрова и уголь в сарае...»

«...Я страшно жалею, что ты не со мной. У нас очень много мешан и до ужаса мало энтузиастов...»

«...Чёрт возьми! Ты — в Ницце. Об этом можно только мечтать. Наверное, Ницца совсем не похожа на наши Трибы...»

«... Я думаю, что тебе пока рано возвращаться на родину. Разбушевавшееся море ещё не успокоилось...»

В конце 20-х моя переписка с Антоном оборвалась, что было общим явлением: и мои друзья также перестали мне писать. Очевидно, это была директива свыше.

3 апреля 1939 года в Париже я купил русскую газету «Последние новости», развернул её, и в глаза мне бросился заголовок «Умер писатель А. Макаренко».

Я несколько раз перечёл короткую заметку, и сомнений не могло быть — Антон ушёл от нас навсегда.

Я отслужил в Александро-Невском соборе панихиду и долго ещё потом не мог сдержать слёз. Независимо от того, что это был мой брат, я потерял в нём самого благородного, самого человеческого, самого чуткого и, наверное, самого умного человека из тех, кого я встретил на моём жизненном пути.

Олимпиада Витальевна Макаренко и Антон Сергеевич Васильев-Макаренко

колонии М. Горького. Были доставлены необходимые материалы: доски, брёвна, цемент и пр. — сделали всё необходимое, чтобы облегчить для крестьян поездки в город.

Вообрази! Их привезли, допустим, сегодня. На другой день не осталось ничего — всё было раскрадено...»

(Здесь Антон вспоминает наш

разговор, который был во время одной из многочисленных прогулок по Крюкову. Тогда я сказал ему, что наш мужик ещё слишком тёмен, что он не дорос ещё до степени гражданственности. Он ещё не гражданин и совершенно лишён социального начала; его интересуют только своя хата, свои быки и лошади.)

«Мама (Т.М. Дергачёва-Макаренко) живёт у меня. Она постарела, но ещё очень бодр и сейчас читает 3-й том «Войны и ми-

Справка из сведений компьютерной базы данных доктора исторических наук С.В. Волкова «Участники Белого движения»:

Макаренко Виталий Семёнович, род. 20.04.1895 г. на ст. Белополье Харьковской губ. в семье личного почётного гражданина.

С конца лета 1919 г. в Вооружённых Силах Юга России: в контрразведке, позже — на бронепоезде «Генерал Марков» (пулемётным офицером). В Русской армии ген. Врангеля был офицером-преподавателем 1-х инструкторских пулемётных курсов. Эвакуировался из Крыма на крейсере «Генерал Корнилов» в Константинополь. С ноября 1920 г. был в Галлиполи в составе 1-го армейского корпуса ген. Кутепова.

С Марковским полком в 1921 г. переехал в Болгарию, осенью 1925 г. числился в списках полка. С 1925 г. жил в Париже. Скончался в г. Йер близ Тулона 22.07.1983 г. Упоминается в книге воспоминаний «Марковцы в боях и походах за Россию» (Париж, 1962).